пространены. Лаконичность федоровского послесловия явно не удовлетворяла печатников.

Недаром — в противоположность судьбе первопечатного послесловия — тексты менее «знаменитых» послесловий и предисловий к изданиям Ивана Федорова после 1564 г., уже намного более многословные, нравились древнерусским авторам гораздо больше. Например, риторичное послесловие к Часовнику Ивана Федорова, вышедшему в Москве через год после Апостола, в 1565 г., целиком было использовано в ряде изданий последующих русских печатников. Или, например, конец предисловия к острожской Библии Ивана Федорова 1581 г. был перенесен затем в известное «Сказание» Авраамия Палицына.[41] Использовалось и послесловие ко львовскому Апостолу Ивана Федорова 1574 г.[42]

Итак, приходится заключить, что послесловие к Апостолу Ивана Федорова 1564 г. стоит в известной мере особняком в древнерусской литературе. Тяготея к стилю официальных произведений середины XVI в., оно отличается от них «сокращенностью» — чертой, не отмеченной больше ни для какого иного произведения данного круга. Относясь по жанру к книжным послесловиям и предисловиям, послесловие 1564 г. и тут занимает особое место.

---

[41] Ср. соответствующие тексты: предисловие к Библии, написанное Герасимом Даниловичем, и концовку окончательной редакции «Сказания» Авраамия Палицына.

Предисловие к Библии

Сие предсловиице прозрев, мой господине читателю благочестивый, приемли, якоже хощеши; токмо молю: мене, недостойнаго ненаучения ради не възненавиди, ни поноси, но паче, яко праведник, покажи милостию и обличи; готов есмь приняти паче нежели грешника елеом главу мою мастяща. Вем убо, въистинну вем, яко сия вся превъсходящая вещь требоваше кратших глагол, множайшаго разума. Аз же съставих, елико могох умалением си смысла, ибо училища николи же видех. Но понеже людие молчат, камение вопити понудися. И аще своею волею дръзнул бых на сие, безъответен убо был бых, но повеления благочестиваго князя отрещися отнудь не възмогох. Обаче же сицевая вещь искусных понуждает показати образ лучшаго, ненаказанных же влечет к учению, нерадивых же и самомнивых ничтоже ползует. (Библия. Острог, 1581, л. нн. 7).

«Сказание» Палицына

Вы же, о избрании о Христе по предуведению божию ся пречестныя и великие лавры отцы и братие свещенствующии иноцы и вси согласующиися к соединяющиися православию всякого чина христоименитые людие, сию книжицу прочитающе, приимете, яко же хощете, но убо спасения вашего путь изобретайте, ко господу же и богу и святым его и избранным хвалу воздавайте. Мене же недостойного и ненаказанного не возненавидите, ни поносите, но паче яко праведницы милостыни покажите и обличите, готов есть приняти, нежели грешника елеом главу мою мастяще. Вем убо воистинну, яко сия предлежащая вещь требоваше кратких словес, множайша же разума. Аз же изложих, елико возмогох, умалением си смысла убо и училища николи же видех, понеже глаголемо есть: «Аще веления божия человецы умолчат, камение вопити понудитца». Обаче сицевая искусных понуждает показати образ лучшаго, ненаказаных же влечет ко учению и от зол возражанию, нерадивых же и самомнимых ничто же ползует, яко же и аз, — увы! (Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955, стр. 249).

Взаимоотношения Авраамия Палицына с русскими печатниками и справщиками Печатного двора, в частности с Иваном Наседкой, — особая тема.

[42] Ср. список этого послесловия в сборнике XVII в. Владимирского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника 5636/396, лл. 208—212 об. Приношу благодарность О. А. Белобровой, любезно сообщившей мне о существовании этого списка.